

ЕСЛИ ВЫ ДО СИХ ПОР НЕ ЧИТАЛИ
АНДРЕЯ ВОРОНИНА – САМОЕ ВРЕМЯ ИСПРАВИТЬ ЭТУ ОШИБКУ

коммерсант

Андрей Воронин

НОЧНОЙ ДОЗОР

УМЕРЕТЬ — НЕПОЗВОЛИТЕЛЬНАЯ РОСКОШЬ

ДЕТЕКТИВ

Андрей Воронин

**Ночной дозор. Умереть –
непозволительная роскошь**

«ХАРВЕСТ»

2014

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

Воронин А. Н.

Ночной дозор. Умереть – непозволительная роскошь /
А. Н. Воронин — «ХАРВЕСТ», 2014

ISBN 978-985-18-3223-7

Главная героиня романа Андрея Воронина – яркий и талантливый фотограф Екатерина Ершова оказывается в эпицентре необычных разбирательств между ФСБ и ГРУ России. Ее фотоматериалы едва не становятся причиной международного скандала... Петербург не зря называют не только «северной», но и «бандитской» столицей, потому что нет города, в котором преступления были бы столь же изощренно дерзкими, бандиты – столь же безнаказанными, а закон – столь же бессильным. Однако когда закон бессилен, то борьбу за справедливость берет на себя ОНА... Она – та, что выживает там, где выжить невозможно. Та, которую ищут. Ищут врага. Та, которая ищет. Ищет правду. Она видит то, чего не должна видеть, и действует там, где бездействуют все остальные. Она задает вопросы – и ищет ответы. И каждый вечер она выходит в свой опасный ночной дозор...

УДК 821.161.1(476)-312.4
ББК 84(4Бей=411.2)-445.7

ISBN 978-985-18-3223-7

© Воронин А. Н., 2014
© ХАРВЕСТ, 2014

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	33
Глава 9	39
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Андрей Воронин, Марина Воронина
Ночной дозор. Умереть –
непозволительная роскошь

© Воронин А., 2014

© Подготовка, оформление. ООО «Харвест», 2014

Пролог

Люди, имеющие деньги, а тем более страстно желающие разбогатеть, рискуют ни многим ни малым, как человеческой жизнью и зачастую своей. Мало того, соприкосновение с большими деньгами или тайной, касающейся капитала или большой политики, может оборвать жизнь и случайного прохожего, который по стечению обстоятельств оказался не в том месте и не в то время. Ну а если ты стал очевидцем свершившегося негативного факта, то смело можешь заказывать себе черный фрак и белые тапочки. Правда, гарантия, что в них успеют упаковать покойника, маловероятна: как правило, таких людей или их останки находят через несколько лет закопанными в земле, замурованными в бетоне, но чаще всего они просто-напросто бесследно исчезают из нашей повседневной жизни.

Подтверждением тому могут служить истории, случаи и газетные заметки, которых бесчисленное множество не только в бульварной, но и в центральной прессе. Однако сказанное выше относится в большей мере к пишущей братии, в особенности к журналистам, сующим свой пытливый нос в дела, которые предприимчивые дельцы и нечистоплотные политики стараются поглубже спрятать от посторонних глаз...

Часть первая

Глава 1

Патрика Глена разбудил неожиданный звонок, которого он уже не ждал. Мужчина лет тридцати пяти – сорока, представительного вида и высокого роста нехотя открыл слипшиеся веки и устало потянулся к телефону, стоявшему на тумбочке рядом с огромной кроватью.

– Yes... – вяло ответил он по привычке по-английски, забыв о том, что он не в Штатах, а в России.

– Привет, Глен! – раздался по телефону радостный мужской голос. – Как дела?

Патрик не сразу сообразил, с кем разговаривает, где находится и почему должен отчитываться перед кем-то о своих делах и личной жизни.

– Who... Кто это? – недовольно буркнул американец, машинально переходя на русский язык.

– Ну, ты зажрался! – весело засопел низким баском в трубку звонивший. – Никак еще не проснулся?

Патрик Глен и в самом деле все еще боролся со сном: вчера он сильно перебрал на фуршете в агентстве Кириллова, а после всего его угораздило поехать с девочками за город к Тони Блэку, работнику американского посольства в Москве.

– Да это я, Гришин... – возбужденно гудел приглушенный басок. – Или ты уже забыл о своей просьбе?

– О какой?

– Ну, относительно «рыбки».

Только теперь до американского журналиста дошел смысл сказанного, и он, мгновенно подскочив на кровати, сразу же проснулся и сосредоточился.

– А-а... – нетерпеливо протянул Патрик и, сразу же вспомнив о недавнем разговоре с Гришиным, радостно перешел к делу: – Привет, Петр! Ну, что там у тебя?

– У меня-то все в порядке, – ответил собеседник и сам задал вопрос: – А у тебя? Ты-то хоть слышал новость о своей «рыбешке»?

– Какую?

– Ну ты даешь! – изумился Гришин. – Да сегодня целое утро про это по телевизору и радио болтают! Смотри, Патрик, все проспичь!

Американец понял, что случилось нечто важное и чрезвычайное относительно его задания. Он хотел было спросить звонившего о случившемся, но того было сложно остановить.

– Есть материальчик, который тебя весьма интересует, пальчики оближут твои буржуи, – победоносно сообщил Гришин, – а также классные фотографии, от которых у тебя челюсть отвиснет, а может, и все клапаны откроются, приятель!

Глен был весь внимание. Теперь это был не заспанный и сытый буржуй, а предприимчивый профессиональный волк.

– Кто еще в курсе материала? – с волнением спросил журналист у звонившего.

– Кроме исполнителей – ни одна живая душа!

– А что, есть уже и мертвые души? – скаламбурил Патрик Глен.

В трубке возникла небольшая пауза.

– Я думаю, – более серьезным тоном произнес Гришин, – что если этот материал, а в особенности фотографии увидят свет на обложках еженедельника «Вашингтон пост», то взорвется такая бомба, что пострадают целые государства. И, как ты понимаешь, в связи с этим разразится такой скандал, что полетят не только государственные «портфели», но и головы!

– Неужели все так серьезно?

– Хуже!

Патрик на секунду задумался. Если материал и фотографии настолько интересны и секретны, то почему Гришин хочет их всунуть ему, а не напечатать самому в своей газете? Хорошая статья повысит рейтинг его газеты и поднимет тираж издания, а это – большие деньги!

– Значит, ты считаешь – материал стоит обсудить? – осторожно поинтересовался американец, пытаясь еще раз прощупать намерения Петра.

– Разумеется! Стал бы я тебя беспокоить по пустякам, – даже немного обиделся Гришин.

– А чего тебе самому не напечатать этот материал в своей газете? – напрямую спросил Глен.

В трубке вдруг все смолкло, и журналисту показалось, что связь с абонентом прервалась. Однако через мгновение Гришин дал о себе знать долгим и тяжелым вздохом.

– Этот материал имеет две стороны, – встревоженно произнес мужской голос, – или пан, или пропал! Я не хочу иметь больших неприятностей с властями, а тем более с военными!

– Но и мне, как иностранцу, вроде как бы не с руки... – начал игру американец, поняв, что за материал стоит побороться. Но, как истинный бизнесмен, Патрик упорно сбивал цену, хотя знал, что выложит столько денег этому русскому мудаку, сколько тот от него потребует. Глен достал из пачки «Голд стар» сигарету и, щелкнув зажигалкой, с наслаждением затянулся сизым дымом.

– Патрик, ты что!? – засуетился Гришин. – Ты иностранец и почти ничем не рискуешь!

Патрика одновременно насторожило и заинтересовало слово «почти». Несомненно, предлагаемый материал представляет собой интерес, и, возможно, даже более, чем мог предполагать журналист. Но он решил еще немного поиграть с Петром.

– Ничем или почти ничем? – переспросил американец. – Мне кажется, между этими понятиями есть разница.

Гришин прекрасно знал цену и себе и предлагаемому материалу. Поэтому он переменял тактику, хотя никакого отказа от «рыбки» не предвиделось.

– Согласен, Патрик, – как можно равнодушнее произнес Гришин, хотя в душе было какое-то ощущение беспокойства. – Ты, как всегда, прав! В принципе и мне нет никакой разницы – тебе отдать материал или еще кому-нибудь. Джон Маккой, если я не ошибаюсь, также интересовался нашей «рыбкой» и бил себя в грудь, что за ценой не постоит.

– Ну что ты, Петр, – сразу пошел на попятную американец, поняв, что проигрывает сделку этому русскому. – Зачем нам кто-то? – лукаво произнес папарацци. – Мы же деловые люди, да и с тобой не первый день знакомы. Надо все взвесить, прикинуть...

– Понятное дело, – сказал собеседник.

– Прекрасно! – попытался как можно непринужденнее воскликнуть Глен. – А кто автор материала?

– Снимки сделаны Кэт... – ответил Гришин, но тут же спохватился, что ляпнул лишнее и невольно дал повод американцу выйти напрямую на фотографа, тем самым оставив Петра не у дел. – Впрочем, ты не знаешь этих людей. Да, и сказать по правде, не телефонный это разговор. Встретимся – введу в курс дела.

Патрик не стал выяснять имена и фамилии людей до поры до времени, а только беззвучно усмехнулся и спросил:

– Когда мы увидимся?

– Как можно скорее!

– Тогда через час в баре у Олега, – предложил Глен.

– Нет, – решительно отверг предложение американца продавец. – Материал весьма ценный, поэтому приезжай ко мне в редакцию прямо сейчас.

Патрик Глен громко рассмеялся в трубку.

– Петр! – весело воскликнул американец. – Я понимаю, что мы с тобой деловые люди, но не могу явиться к тебе небритым и в нижнем белье, приятель!

– Я тебя и небритого приму, – грустно усмехнулся собеседник, – уж больно эти фотографии мне руки жгут.

Журналист язвительно подумал про себя: «У тебя, дружок, руки чешутся от нетерпения поскорее погреть их о мои зелененькие!»

– Хорошо, Петр, – согласился Глен, – буду у тебя через... – и, взглянув на часы, он сообщил: Тридцать минут.

– Идет, – согласился собеседник и вдруг слегка замялся...

– Что?

– Цена возросла вдвое!

– Не понял, – возмутился американец. – Мы же обсудили финансовую сторону нашего сотрудничества и договорились о конкретной сумме. Думаю, это приличный гонорар не только здесь, но и на Западе.

– Согласен, – откашлялся Петр, – но думаю, увидев материал, ты за него даже утроишь запрашиваемую мною сумму. Будешь доволен, что задешево приобрел «золотую рыбку».

– Не знаю, что я приобрету, – фыркнул американец, – золотую рыбку или акулу, но мне это не нравится. К тому же у меня нет столько наличных, а ты, как я понимаю, чеки не принимаешь.

– Ничего, приятель, – вздохнул Гришин, – я подожду, пока ты обналичишь свои чеки. Только, пожалуйста, постарайся обернуться в течение часа, иначе в двенадцать у меня встреча с Джоном Маккоем.

Патрик Глен был уязвлен напоминанием о конкуренте. Однако журналист постарался не выдать своего недовольства и раздражения. Как истинный профессионал, он почувствовал, что игра стоит свеч и Гришин не блефует.

– Хорошо, – спокойно согласился Глен, – буду не позже чем через час, приятель.

– Вот и договорились, – облегченно выдохнул продавец информации, – буду ждать!

В трубке раздались короткие гудки, и американец недовольно отшвырнул ее на кровать.

– Жирная свинья! Фак ю... – зло воскликнул интеллигентный буржуй и, взяв с тумбочки дистанционный пульт управления, включил телевизор.

Американец был в бешенстве: он не привык, чтобы с ним торговались эти русские. Он привык покупать их пачками и за ничтожные деньги! Конечно же, у него была в наличии необходимая сумма для выплаты Гришину требуемого смешного гонорара и даже раз в десять больше. Пачки денег лежали у него в тайнике, но он решил выдержать паузу, чтобы сохранить свой имидж и слегка помучить зарвавшегося продавца.

– В Баренцевом море... – донесся до Патрика Глена голос ведущего НТВ Евгения Киселева, и американец, ошарашенно выкатив глаза, забыл о раннем звонке Гришина и застыл у телевизора. Передавали экстренное сообщение.

Глава 2

Одна из многочисленных аппаратных точек спецслужб ФСБ России Московского управления находилась на Дмитровском шоссе, неподалеку от Савеловского вокзала. Она располагалась в трехкомнатной квартире на последнем этаже девятиэтажного кирпичного дома. Окна конспиративной угловой квартиры выходили на обе стороны, что позволяло вести наблюдения в трех направлениях. В потолке одной из комнат был замаскирован выход на крышу, который предусмотрительно соорудили задолго до вселения любопытных наблюдателей.

Убранство комнат было чисто спартанское: ничего лишнего, разве что добротные кожаные кресла и несколько таких же классных диванов в спальне и зале для круглосуточно работающего персонала. Почти все остальное свободное пространство комнат занимала разнообразная прослушивающая аудио- и видеоаппаратура.

Более или менее обжитой выглядела кухня, где было все необходимое, чтобы достойно утолить голод дотошным и нервным «квартирантам». Если бы любопытное и строгое начальство заглянуло «на чаек» к своим подчиненным, то оно бы заметило батарею бутылок пива, среди которых нередко попадалась и водочная тара.

Хозяином квартиры официально числился один из сотрудников военного ведомства – майор Барышников Александр Александрович, или попросту Сан Саныч, как обращались к нему подчиненные и непосредственное начальство.

Сан Саныч был небольшого роста, крепкого телосложения мужчина. С возрастом он сильно раздобрел и сделался очень похожим на мячик, который гоняют регбисты. На вид ему было около пятидесяти. Большая квадратная лысая голова постоянно потела, и он ежеминутно вытирал голый череп несвежим носовым платком.

Барышников был старым волком в контрразведке и дослужился бы до больших звезд на своих погонах, если бы не русская страсть к алкоголю и азартным играм, из-за которых он находился в постоянных долгах. А долги, как известно, обязывают, и ему приходилось изворачиваться, чтобы вовремя расплатиться с кредиторами. По этой причине Барышников, с большим риском для своей карьеры и даже здоровья, не брезговал иногда преступить закон, одновременно работая на нескольких заказчиков...

* * *

После долгого молчания наконец дали о себе знать сигнальные лампочка и зуммер. Молодой черноволосый мужчина спешно надел наушники и замер в ожидании. Магнитофонные бобины закрутились на полную мощность. Наконец-то один из прослушиваемых абонентов, за которым велось постоянное наблюдение, сказал нечто стоящее...

– Yes... – услышал черноволосый радист по связи заспанный мужской голос.

– Привет...

Владимир Челядинский, нажав на кнопку, подал сигнал коллегам, что пошла запись разговора. Моментально раздался негромкий звук, отдаленно напоминающий трезвон будильника. Сам же капитан с головой ушел в работу, пытаясь уловить скрытый смысл разговора по интонации, кодовым ключевым фразам...

В большую комнату вошла молодая симпатичная девушка в голубой легкой юбочке и черной майке фирмы «Адидас». Вид ее измученного, бледного лица, говорил о том, что она нездорова. Мужчины пару дней назад заметили, что Метелкина как-то изменилась, стала заторможенной, рассеянной и подолгу и часто отлучалась в ванную. Сначала напарники объясняли это отравлением, но в конце концов поняли, что Марина просто-напросто беременна. Вернее,

понял это только Барышников. Владимир же знал об этом наверняка и намного раньше, так как Марина была беременна не от кого-нибудь, а от него самого.

– Кто? – коротко спросила она у Челядинского и, взяв бумагу с ручкой, тяжело уселась за компьютерный столик записывать.

– Шнобель, – так же лаконично ответил Владимир.

Надо сказать, что в группе Барышникова установилась давняя традиция – давать всем субъектам, находящимся у контрразведчиков «под колпаком» различные клички. У человека, который сейчас находился на связи, был довольно солидный и продолговатый нос, поэтому с легкой руки Челядинского под общий одобрительный смех его и окрестили Шнобелем. Правда, ребята не всегда видели своих подопечных, а бывало даже и не знали, кого «пасут». Но этот индивидуум был особенным, хотя Челядинский и не понимал, почему он так заинтересовал высокое начальство и все последнее время за ним ведется постоянное прослушивание и слежка, отнимая эфир у более важных персон.

Однако капитан был человеком умным и исполнительным и не задавал лишних вопросов. Несмотря на свои личные семейные неурядицы и ссоры, напрямую связанные с интимными отношениями с Мариной, он постарался отбросить все в сторону и сосредоточился на доносившемся телефонном разговоре двух мужчин, пытаясь сразу на лету сориентироваться и раскусить, кто такие «Рыбка», «Акула», «Кэт»...

Вслед за Мариной в комнату с заспанными, покрасневшими глазами вошел Барышников. Он был одет в длинный махровый халат, брюки и шлепанцы на босу ногу.

– Кто? – сухо спросил майор и вяло потянулся к столику за пачкой сигарет «Прима».

Капитан Челядинский, не поворачивая чернявой головы, коротко ответил старшему группы:

– Ваш любимчик!

Сигарета, не дойдя по назначению до пересохших узких губ, застыла на полпути, дергаясь в волосатой руке.

– Шнобель? – с волнением спросил Сан Саныч.

– Он самый.

Маленькие глазки Барышникова моментально вспыхнули радостным и дьявольским огоньком. Он поближе прильнул к динамикам и стал жадно ловить каждое слово.

– Сделай погромче! – приказал майор.

Капитан вопросительно посмотрел на своего начальника, но, ничего не возразив, немного усилил звук.

– Этот материал имеет две стороны, – доносился из динамика мужской встревоженный басок, – или пан, или пропал! Я не хочу иметь больших неприятностей с властями, а тем более с военными...

Барышников напряг барабанные перепонки, забыв на время и о сигарете и о присутствующих. Чем больше он вникал в странный разговор, тем отчетливее понимал, что это то, что ему нужно и ради чего начальство поставило всех «на уши».

Разговор закончился, и Сан Саныч с облегчением вздохнул.

– Кажется, сегодня нам подфартило! – улыбнулся Челядинский и откинулся в кресле. – Что будем делать?

Майор ничего не ответил. Чиркнув спичкой, он закурил и глубоко затянулся горьким дымом. Мысли роились в лысой квадратной голове, как стая голодных наглых мух, но впереди всех неслась одна, самая важная: теперь он сможет не только рассчитаться со своими надоевшими и висевшими как дамоклов меч долгами, но и получить к долгожданным погонам подполковника хороший денежный куш! А там... а там можно и со спокойной душой отправляться на пенсию, куда угодно, хоть на край света!

Сан Саныч еще раз затянулся и, усевшись в мягкое кресло, всем своим грузным телом откинулся назад. Оставалось рискнуть в последний раз, хотя большого риска и проблем бывалый чекист в этой игре не видел. Правда, в его распоряжении было не более часа, а возможно, и меньше.

– Так что, – снова отвлек майора от сладостных мыслей молодой мужчина, – будем рапортовать?

И вдруг Сан Саныч «проснулся»...

– Что рапортовать? – непонимающе и как-то испуганно спросил майор.

На лысине выступила испарина, и Барышников полез в карман за носовым платком. Он удивленно посмотрел на присутствующих: Марина Метелкина увлеченно строчила тонкими пальчиками по клавиатуре компьютера, а капитан Челядинский нетерпеливо ожидал распоряжений старшего группы.

– Времени осталось около часа, – недовольно фыркнул Владимир, – нужно что-то срочно предпринять... По инструкции необходимо сообщить в центр.

Барышников никак не мог оторваться от своих проблем и включиться в работу.

– Зачем?

На лице молодого капитана появилось нечто похожее на недоуменное раздражение.

– Как зачем? – в свою очередь вопросом на вопрос ответил молодой капитан. – Времени в обрез, нужно согласовать с начальством, лично с полковником Варановым и брать их тепленькими.

Постепенно до Сан Саныча дошел смысл сказанного, вернее, он осознал, с какой преградой он может столкнуться в виде срочного рапорта, посланного полковнику Варанову Челядинским, а в том, что тот его пошлет непременно, Барышников не сомневался. Но если капитан подаст сигнал начальству немедленно, тогда все его планы рухнут как карточный домик, а с ними и погоны подполковника, и барыши, и пенсия. А главное – может оборваться и его собственная жизнь, если не из-за проклятых долгов, то из-за бездарно проваленного дела, которое ему поручили под большим секретом...

Выход был один – оттянуть время и послать сообщение минут через пятнадцать-двадцать. Что они решат по большому счету для командования? Ничего! А для него эти минуты очень важны: они могут круто изменить всю его оставшуюся жизнь! Нет, его теперь никто не остановит, это его последний шанс наконец-то одним махом выбраться из этого дерьма...

– Правильно мыслишь, капитан, – ледяным голосом медленно сказал Барышников и вдруг, засуетившись, повысил голос: – Только не стоит пороть горячки!

– Какой горячки?

Майор быстро встал и стал нервно расхаживать по комнате.

– Надо все обдумать, взвесить и только тогда докладывать начальству, – жестко сказал он. Капитан криво усмехнулся.

– Это их дело думать, а наше...

– Молчать! – гаркнул старший по званию. – Здесь я принимаю решения, капитан!

Чувствуя, что разразится скандал, который сейчас не к месту, Марина Метелкина неожиданно побледнела и, резко поднявшись, в который раз выбежала в ванную.

– А мое решение, – не сдавался Владимир, – пока не поздно, немедленно доложить о разговоре по цепочке!

Сан Саныч решил сменить тактику и попытался уладить конфликт мирным путем.

– Согласен, Володя, – примирительным тоном произнес пожилой мужчина, – это твое право и обязанность. Но что мы доложим? Давай проанализируем, прикинем, что к чему: кто звонил, о чем шла речь, где произойдет встреча...

Барышников тянул время. Он прекрасно знал, кто звонил и где произойдет встреча. В отличие от молодого и не столь искушенного в сыском деле капитана, Сан Саныч был хорошо информирован нужными людьми.

– Пятнадцать-двадцать минут никакой роли не сыграют! – пытался убедить по-хорошему майор молодого коллегу. – Зато доложим все по форме, как полагается спецам – чин-чинарем!

Капитан Челядинский решительно покачал черноволосой головой.

– Нет.

– Нет? – как-то странно переспросил майор.

– Нет!

Владимир резко повернулся к передатчику и включил его. В комнате воцарилась жуткая и тревожная тишина. Только из ванной чуть слышно доносились рвотные звуки беременной женщины. Барышников стоял в углу комнаты возле раскрытого сейфа.

– Володька, – вдруг донесся нервный голос майора.

Челядинский повернулся, и глаза его наполнились ужасом: в нескольких шагах от него с пистолетом в руках стоял майор Барышников и целился прямо в него.

– Ты что, Саныч... – затаив дыхание, медленно протянул капитан.

– Прости, Володька, – сухо процедил старый чекист, – ты сам напросился!

Владимир попытался встать, но тут же прогремел выстрел, и молодой мужчина, резко и конвульсивно дернувшись, замертво откинулся в кресле с простреленным сердцем.

– Прости, парень, – еще раз тихо прошептал лысый мужчина и отбросил на ковер пистолет.

Барышников быстро направился к телефону и, сняв трубку, набрал номер...

– Слушаю, – раздался недовольный властный старческий голос.

– Кузьмич?

– Он самый!

– Это Барышников!

– А-а... Подожди маленько...

Возникла небольшая пауза, и майор, воспользовавшись ею, с волнением прислушался, что творилось в ванной. По-прежнему шумела вода.

– Так что там у тебя?

Барышников в двух словах объяснил ситуацию...

– ...Одним словом, мне не обойтись без Шлемы, – закончил он краткий доклад.

– Мудило!

По раздраженному голосу патрона и его выражениям майор понял, что тот весьма недоволен.

– Мне по фиг, что там произошло, – зло выругался Кузьмич, – а компромат достань хоть из-под земли!

– Слушаюсь!

– Вот и молодец! – похвалил старик майора. – Ты же понимаешь, что поставлено на карту!

– Понимаю.

– Вот и хорошо, – донеслось до Барышникова, – а сделаешь дело, мы тебе все простим!

– Сделаю!

– Не сомневаюсь, – рассмеялся старческий голос, – жить-то, небось, всем охота...

Барышников не понял, то ли это вопрос, то ли утверждение, но смысл быстро дошел до его сознания. В трубке раздалась короткая гудка, и майор быстро набрал новый номер телефона.

* * *

У Марины гудело в голове, ее мутило, появилась какая-то слабость во всем теле, особенно в ногах. Во время, которое она провела в ванной, ей послышался какой-то хлопок, напоминающий выстрел огнестрельного оружия, но она была настолько занята своим делом, что не придавала этому большого и должного значения.

Однако, когда молодая девушка вошла в комнату, она застыла в растерянности: в кресле лежал мертвый Челядинский, а в углу по телефону с кем-то мирно беседовал майор Барышников.

– И учти, Шлемофон, – строго произнес пожилой мужчина, – на все про все у тебя не более получаса! Понял? Все! Время пошло! – обрубил майор и внимательно посмотрел на часы.

Метелкина в нерешительности остановилась посреди комнаты, пытаясь сообразить, что же тут произошло за время ее отсутствия. Была ссора... Но она же не могла закончиться таким нелепым образом!

– Что здесь произошло? – дрожащим от волнения голосом выдавила из себя девушка.

Сан Саныч только махнул рукой, как бы предлагая Марине помолчать. Однако неожиданно для самой себя Марина вдруг закричала:

– Кто его убил?!

Барышников спокойно повернулся к молодой девушке и медленно положил трубку на аппарат.

– Вы его убили! – ответила сама на свой вопрос Марина и, заметив на ковре пистолет, быстро бросилась к нему.

– Стой, дура!

Майор сделал шаг вперед, пытаясь ее остановить, но было поздно. Метелкина схватила еще не остывший пистолет и, взведя курок, направила его на майора.

– Стоять! – заорала не своим голосом Марина.

– Стою, – как можно спокойнее произнес Барышников и медленно сел в кресло.

Девушка часто задышала, пистолет в ее руках дрогнул, и ее затрясло как в лихорадке.

– Кто убил Володю? – немного приходя в себя, громко спросила Метелкина. – Вы?

Барышников нагло и брезгливо усмехнулся ей в лицо.

– Теперь уж, дочка, – вздохнул он, – я и сам не знаю, что сказать...

Глаза Марины расширились в ужасе, она побледнела, губы перекошились. Она все поняла! Однако молодая девушка решила рискнуть и без колебаний нажала на спусковой курок пистолета...

Глава 3

В это августовское утро двухтысячного года главный редактор еженедельной газеты «Новый век» Петр Гришин пребывал в приподнятом настроении и весьма отличном расположении духа. Даже его вечно засаленные, свисающие, как у запорожских казаков, длинные усы топорщились от удовольствия. Наконец-то можно было «выстрелить»!

Вот уже несколько месяцев он возглавлял газету «Новый век», но ничего стоящего на страницах еженедельника так и не появилось. Да, были отдельные материалы и статьи о Чечне, о провинциальной коррупции и о парочке громких, но местного порядка мафиозных разборок... Однако это была второсортная или изрядно запоздавшая информация: конкуренты успели уже ее обсосать и выжать из нее все, что можно. Но сегодня был его день, его триумф! Не зря же он приехал покорять первопрестольную из провинциального украинского городка Жмеринка!

Петр Миронович Гришин сидел в своем маленьком кабинете за огромным обшарпанным деревянным столом, громко посапывая, перечитывая какую-то статью и просматривая фотографии. По правде сказать, статья была дерьмовая, Гришин это прекрасно понимал, но это его не смущало. Главное – фотографии, которые сделала Кэт!

Возможно, они бы так и остались не востребованными, если бы сегодня утром в Баренцевом море не случилось несчастье: 118 человек погибли на атомной подводной лодке «Курск». Петр для приличия нахмурился и горестно вздохнул, как бы оправдываясь перед всевышним судом и скорбя о происшедшем, но спустя пару минут он уже расплылся в широкой улыбке.

– Мертвым – мертвое, а живое – живым! – подытожил он вслух. – Главное – выгоднее продать фотографии этому засранцу-американцу!

Главный редактор перевернул одну, потом другие фотографии, на обратной стороне которых подряд значились две буквы «Е» – инициалы автора снимков. Гришин удовлетворенно причмокнул толстыми слюнявыми губами и посмотрел на часы, висящие на стене напротив его рабочего места. Прошло уже двадцать пять минут после его звонка Патрику Глену. Гришин был уверен, что минут через пять-десять дверь откроется и тот явится с «блюдечком с голубой каемочкой», на которой будут лежать зелененькие стопочки...

И Петр Миронович, со своим хохляндским чутьем, не ошибся: дверь в самом деле открылась в одиннадцать тридцать по московскому времени...

* * *

Редакция газеты «Новый век» находилась в маленьком переулке, неподалеку от метро «Новослободская» в здании научно-исследовательского института современных технологий и занимала в левом крыле здания в подвальном помещении несколько больших комнат и парочку поменьше. Единственной выгодой для редакции было то, что вход сюда был со двора и отдельно от главного. Сюда заглядывали только работники газеты, которых, к слову сказать, было человек шесть штатных да с пяток внештатных корреспондентов и фотографов. Многие прохожие даже и не подозревали, что тут находится редакция одной из малотиражных, но довольно скандальных газет «Новый век».

Главный редактор подумывал о том, чтобы достойно оформить фасадную часть входа, и даже отдал кое-кому из своих работников необходимые распоряжения относительно рекламного и дизайнерского решения...

Приблизительно в полдвенадцатого дня в зеленый скверик тихо въехала кофейного цвета иномарка и остановилась метрах в пятнадцати от входа в редакцию. Из «Форда» вышли двое зрелых крепких мужчин во главе со щуплым маленьким старичком, лет шестидесяти пяти –

семидесяти. Все трое были в темных очках и низко надвинутых на глаза фетровых шляпах мышинового цвета.

Медленно и внимательно осмотревшись по сторонам, старичок сухо и кратко сказал своим спутникам:

– Макар со мной, а ты, Таньга, останешься на входе.

Мужчины молча кивнули тяжелыми головами.

– В нашем распоряжении пять-семь минут, – сообщил главарь тройки и, задрав рукав плаща, посмотрел на часы. – А быть может, и того меньше, – недовольно добавил он. – Понятно?

– Как день божий, – усмехнулся мужчина с азиатским разрезом черных глаз.

– Без клоунады, Таньга!

– Заметано, Шлема!

Разговор происходил по пути следования в редакцию. Мужики спокойно и неторопливо подошли к входной двери и позвонили. Дверь открыл охранник, а по совместительству грузчик редакции, Юрка Байдаков – высокий молодой парень.

– Вы кто? – недовольно спросил охранник и подозрительно посмотрел на непрошенных гостей.

– ЦРУ! – съязвил старичок и достал удостоверение.

Байдаков успел только заметить магическую аббревиатуру «ФСБ» и отворил железную дверь.

– Проходите, – испуганно предложил Юрий.

– Где главный редактор? – спросил старичок, войдя в узкий полумрачный коридор.

– У себя... последняя дверь налево.

– Много еще людей в редакции? – поинтересовался здоровый мужчина со шрамом на левой щеке.

– Как обычно.

Макар недовольно кашлянул в огромный кулак.

– Конкретно!

Молодой охранник неуверенно пожал плечами: было видно, что он ступал перед людьми из силового ведомства и не знал, как себя вести с ними.

– Человек пять...

– Хорошо, – сказал старик, – никого в помещение не впускать ближайшие полчаса. Понял?

Юрий кивнул головой.

– Понял.

Шлема повернулся к узкоглазому напарнику.

– Останься.

– Есть! – козырнул Таньга.

Старичок прошел с Макаром вперед по коридору, а узкоглазый мужчина остался с Байдаковым.

* * *

В кабинет вошли без стука... Петр Гришин не успел даже спрятать фотографии, которыми любовался. Перед ним выросли двое мужчин: один малый щуплый, с пронизывающим взглядом старик, а другой – здоровый высокий мужчина в годах с каменным выражением на бледном лице.

– Петр Миронович? – сразу приступил к делу старичок.

– Да-а... – растерянно ответил главный редактор, – а в чем дело, господа? Вы по какому делу? – поинтересовался Гришин, собирая воедино фотографии и пряча их в ящик стола.

– По государственному, – сухо отчеканил старик.

Гришин удивленно поднял широкие брови, и его прошиб холодный пот. Предчувствие его не обмануло: он понял, что пришли по его душу. Еще полчаса назад он говорил Патрику Глену: «...или пан, или пропал!»

– С кем имею честь? – взволнованно спросил Гришин, стараясь изобразить на своем круглом лице деловитость и важность своей персоны.

– ФСБ, контрразведка, – отчеканил старик и сунул под нос перепуганному Гришину удостоверение с гербовой печатью, – полковник Сухой.

От волнения и страха Петр успел только заметить двуглавого орла. Его запорожские усы, еще несколько минут назад гордо топорщившиеся, моментально потеряли «эрекцию» и сиротливо обвисли на лощеном подбородке.

– Чему обязан? – с трудом выдавил из себя главный редактор.

Старик подошел вплотную к столу и добродушно усмехнулся, отчего главного редактора передернуло: эта улыбка не предвещала ничего хорошего хозяину маленького кабинета.

– Не догадываетесь?

– Нет.

Высокий мужчина, молча расхаживающий по кабинету и зорко рассматривающий все вокруг, грубо и раздраженно бросил непонятливому клиенту:

– Фотографии!

Руки у хозяина редакции затряслись. Однако он решил оттянуть время, чтобы понять, насколько серьезны их намерения...

– Какие?

Глаза старика, несколько секунд назад добрые и ласковые, вдруг стали злыми и колючими. Он приподнялся на носочки и, нагло усевшись на край стола, процедил сквозь зубы:

– Те, за которыми должен прийти Патрик Глен, американский резидент и ваш сообщник!

У Гришина после таких заявлений отвисла челюсть, а в области копчика нудно засвербило.

– Ка-кой ре-зи-дент... – пролепетал Гришин.

– Американский резидент, – усмехнулся старик, – ваш хозяин! Или вы не знаете такого?

– Нет, – замахал руками главный редактор, – я не знаю никакого хозяина! Вернее, я знаю Патрика Глена, но то, что он американский шпион, слышу впервые от вас... У нас чисто деловые отношения! Я... я...

– Вот и прекрасно, – начал терять терпение гость, – мы вам верим. А теперь – быстро материал и фотографии, которые вы обещали Патрику Глену!

Гришин понял, что отпираться бесполезно и трясущимися руками полез в ящик стола. Теперь самым главным для Петра Мироновича было отвести все подозрения от своей особы. В принципе он ничего такого не сделал, чтобы так сильно мандражировать, но все произошло так внезапно, что он не успел трезво оценить ситуацию и правильно сориентироваться.

– Вот, пожалуйста, – сказал он как можно услужливее и веселее, протягивая гостям пачку фотографий, среди которых были снимки совсем из другой области, а именно порнографические.

Полковник Сухой взял фотографии у главного редактора и впился в них. Да, это было то, что он искал. Облегченно вздохнув, он улыбнулся, увидев среди прочего компромата порнографические снимки.

– Любитель?

Гришин не понял, что подразумевал гость под словом «любитель», и глупо улыбнулся.

– Не понял...

– Это неважно, – махнул рукой старик. – Кто снимал?

Гришин прекрасно знал автора снимков, но по своей натуре был расчетлив и прижимист. Конечно, он мог бы сдать Кэт с потрохами, но ему пришла на ум мысль, что, лишившись фотографий, он все же сохранит негативы.

– Не знаю, – прикинулся простачком Петр Миронович, – прислали в редакцию по почте.

Полковник Сухой недоверчиво покачал головой и, хитро скривив тонкие губы, нагло усмехнулся.

– По почте?

– Да.

Вдруг полковник проворно (чего Гришин никак не мог ожидать от старика) наклонился к нему и с силой схватил за грудки.

– У меня нет времени на кроссворды! – прорычал Сухой. – Что это за инициалы «Е. Е.»?

Гришин не знал, что и ответить, но, соврав однажды, он невольно продолжал вести свою игру.

– Не знаю.

– Шлема, – вдруг окликнул товарища Макар, – посмотри...

Старик отпустил уже плохо соображавшего главного редактора и повернулся к бугаю. Тот держал листок бумаги, указывая толстым пальцем в одну точку.

– Что это?

– Ведомость.

Полковник бросил взгляд в указанное место в ведомости и прочитал вслух:

– Елизавета Ефимова...

Макар утвердительно кивнул головой.

– Два «Е», – самодовольно усмехнулся он, – разгадка с двумя неизвестными!

Старик удовлетворенно хлопнул приятеля по широкой спине и повернулся к редактору.

– Ефимова здесь?

– Да, но...

– Заткнись! – приказал Шлема. – Кто еще знает про эти фотографии?

Гришин энергично затряс вспотевшим двойным подбородком.

– Никто.

– Точно?

– Клянусь!

Старик повернулся к подручному.

– Найди два «Е», – холодно приказал полковник Макару. Он посмотрел на часы. – Всё!

Время вышло!

– Понял, – коротко ответил здоровяк.

– Не оставляй хвостов.

Макар криво усмехнулся.

– Не ссы, командир!

Бугай сунул руку в карман и решительно вышел из кабинета. Решимость и недосказанность гостей, а возможно, и последняя фраза, брошенная суровым фээсбэшником, повергли в шок интеллигентного редактора.

– Что... что он сказал? – пробормотал пересохшими губами побледневший хозяин кабинета.

Шлема злорадно оскалился.

– Не ссы в муку, не делай пыли! – философски процитировал старик любимую фразу и нащупал в кармане плаща холодную рукоять пистолета.

Гришин побледнел и постарался всем своим крупным телом вдавиться в спинку кресла.

– Вы-ы-ы что?..

Старик мило улыбнулся.

– А ты что? – вопросом на вопрос ответил бывший советский чекист несостоявшемуся миллионеру...

* * *

Таньга стоял возле молодого охранника и не спускал с него глаз. Правда, он успел скосить и без того косые азиатские глазки в зеленый дворик, куда подъехал «Жигуленок», да прислушаться, что творится в соседних помещениях редакции.

– А что, собственно, случилось? – попытался разговорить сурового ордынца Юрий Байдаков.

– Меньше знаешь – лучше спишь! – обрубил здоровяк парня, давая тому понять, что вопросы лучше держать при себе.

Байдакову не понравился ответ, а если говорить откровенно, то ему вообще не нравилась вся ситуация. На душе было как-то тревожно.

Молодому человеку не приходилось сталкиваться с чекистами лоб в лоб, но все же он имел кое-какой жизненный опыт и почувствовал, что в этой истории что-то не так.

Однако что мог сделать горе-охранник, у которого не было при себе даже газового пистолета!

Неожиданно для Юрия азиат сам обратился к нему.

– Это кто? – спросил фээсбэшник и указал узкими глазками в сторону девушки, которая, сделав пару снимков во дворе, оставила черный кофр в салоне автомобиля и решительной походкой направилась в редакцию.

– Не знаю, – солгал Юрий, хотя прекрасно знал миловидную женщину-фотографа в лицо: она работала в газете внештатным фотокорреспондентом и частенько забежала к главному редактору, – может, очередная шалашовка нашего шефа...

Мужчина с подозрением взглянул на своего подопечного и недоверчиво хмыкнул.

– Шалашовки с профессиональными фотоаппаратами по Москве не носятся, – заметил опытный службист.

Байдаков оказался в затруднительном положении: он прекрасно понимал, что Ершовой лучше всего в эту минуту находиться за сто верст от редакции газеты «Новый век».

– Так что мне делать? – спросил он у своего «надзирателя».

Таньга своим профессиональным нюхом почувствовал, что эта миловидная стройная молодая женщина имеет непосредственное отношение ко всей заварившейся каше, и решил пропустить жертву в мышеловку.

– Пропусти!

Байдаков пытался возразить: «Может, и пол-Москвы сюда пригласить?»

Вместо ответа азиат только грозно зыркнул, отчего у Юрия побежали мурашки по спине и весь воинственный пыл молодого человека сразу же остыл.

– Ладно...

Когда решение было принято и найдено обоюдное согласие, а ворота мышеловки любезно открылись для новой «случайной» жертвы и женщине осталось сделать несколько метров, ее неожиданно окликнул мужской голос:

– Катя!

Байдаков и узкоглазый фээсбэшник, услышав окрик, выглянули из приоткрытой двери на улицу. Из салона «Жигуленка» в открытое окошко дверей высунулся мужчина с фотоаппаратом. Женщина обернулась, и среди тишины раздался щелчок затвора аппарата.

– Быстрее возвращайся, – крикнул спутник Екатерины, – мы уже опаздываем!

– Положи фотоаппарат! – негодуя крикнула женщина.

Мужчина виновато улыбнулся и ответил:

– На счастье!

Екатерина покачала аккуратной головкой и, махнув рукой в ответ на шалость своего спутника, стала спускаться по крутым цементным ступенькам.

Не желая светиться перед лишним свидетелем, азиат вдруг резко отпрянул в сторону и энергично замахал огромными руками Юрию.

– Не пускай! – мгновенно изменил он решение. – Отошли ее отсюда под любым предлогом!

Байдаков кивнул.

– Ладно!

Опытный службист вовремя сориентировался: присутствие женщины могло все испортить, а точнее, главной помехой стал ее спутник. Времени было в обрез, его напарники должны были выйти с минуты на минуту, и непредвиденная парочка могла поднять шум, привлечь внимание и отнять драгоценные секунды, которых и так уже не осталось.

– Привет! – непринужденно поздоровалась молодая женщина и толкнула решетку на входе, однако та тоскливо скрипнула, не пропуская гостью внутрь.

– Привет, – сухо поздоровался Байдаков.

– Открывай, – недовольно сказала Екатерина, – я и так уже опаздываю на поезд.

Юрий развел руками.

– Не могу.

Женщина удивленно вскинула брови вразлет.

– То есть как «не могу»?

Охранник виновато пожал плечами.

– Очень просто... Неприемный день сегодня.

Гостья нервно надула розовые полные губки и с силой толкнула решетку.

– Не дури! – чуть ли не выкрикнула она. – У меня встреча с Гришиным в половине двенадцатого!

– Ничего не знаю, – вяло отнекивался молодой парень, – Петр Миронович только что уехал.

Женщина широко раскрыла светло-карие большие глаза и часто захлопала длинными ресницами.

– Куда?

– То ли в налоговую, то ли в ФСБ...

Азиат, следивший за разговором молодых людей, недовольно покачал головой, делая знаки рукой, чтобы Юрий Байдаков заканчивал ненужный базар с девушкой.

– А что случилось?

– Ничего, – ответил Юрий.

Катя угрюмо склонила темно-русую голову, но тут же вскинула ее вверх и с надеждой спросила:

– А он ничего не просил передать?

Охранник отрицательно мотнул головой.

– Нет!

– Вот жлоб! – не выдержала посетительница и от досады хлопнула изящной красивой ручкой по решетке. – Сам же, гад, позвонил мне, назначил встречу и слинял!

Байдаков понимающе вздохнул.

– Видно, серьезные дела, – предположил парень.

Неизвестно, сколько бы продолжался этот бесполезный разговор, но вдруг раздался сигнал «Жигуленка». Из автомобиля вышел спутник женщины и махнул рукой.

– Катя, опаздываем!

Спутница повернулась на голос и также нетерпеливо махнула мужчине рукой.

– Да, бегу, бегу, Илья!

Екатерина повернулась к охраннику.

– А когда он будет?

– Не сказал.

Расстроенная женщина надменно щелкнула пальчиками и выпалила:

– Передай своему шефу, что он мудака!

Молодой человек не ожидал от такой интеллигентной и обаятельной женщины подобного выражения и, выпучив глаза, на секунду растерялся.

– Кто-о?..

– Да он сам знает! – бросила на ходу Екатерина, поднимаясь по ступенькам.

Байдаков только сокрушенно покивал головой вслед удалявшейся посетительнице, а сам про себя подумал, что, может, Петр Миронович и мудака, но такие откровения пусть передает сама!

Екатерина добралась до машины и быстренько забралась в салон.

– Ну, сколько можно...

Женщина разочарованно махнула рукой.

– Ай!

– Надул?

Катя недовольно зыркнула на молодого симпатичного мужчину, словно во всем был виноват он.

– Не твоё дело! – огрызнулась она. – Ты лучше, Илья, дави на педаль. Не то я точно опоздаю.

Илья Мещерский ничего не ответил, а только сильно нажал на газ, и машина резко рванула с места. Таня бросил пронизательный взгляд вслед уходящей машине.

– Во бабенка! – то ли с восторгом, то ли с негодованием процедил сквозь зубы азиат, но тут же повернулся на звук тяжелых шагов своих «коллег»...

* * *

...Дело было сделано: материал и фотографии «конфискованы». Старик и Макар быстро возвращались по сумрачному длинному коридору. Однако думали они о разном: старик прикидывал, сколько потянет их работа, а Макар думал о молоденьком компьютерщике в наушниках, который был так увлечен работой и музыкой, что ничего не слышал. Профессиональный киллер стоял несколько минут с взведенным курком пистолета за спиной мальчишки, ожидая, когда тот повернется и тем самым подпишет себе смертный приговор. Однако Сергей Слесаренко так и остался неподвижным...

Макар решал, подарить сопляку жизнь или оборвать ее одним слабым движением указательного пальца – «перста божьего». Почему-то его забавляла отрешенность паренька от всего мира.

– Да, – удивленно произнес вслух умудренный жизненным опытом бывший кэзэбист, – другая пошла молодежь! У них другой мир, другие идеалы... Может, и мой пацан где-то вот так сидит в «виртуальном мире»!

Макар глубоко вздохнул и окинул комнату пронзительным взглядом, словно хотел найти ангела-хранителя этого зеленого мальчишки – невольного свидетеля. Однако мужчина никого не обнаружил. И вдруг ему показалось, что ангел-хранитель – это он сам!

– Хер с ним, – прошептал Макар и, пятясь назад, не опуская пистолета с глушителем, медленно и тихо вышел из комнаты...

Таня встретил сообщников коротким вопросом:

– Как?

Старик утвердительно кивнул головой.

– Порядок, – усталым голосом произнес он и кивнул головой на притихшего охранника. –

Как у тебя?

– Тихо.

– Рассчитайся с товарищем!

Азиат вытянулся.

– Слушаюсь!

Старик и Макар молча вышли, а Таньга подошел вплотную к Байдакову.

– Как тебя зовут?

– Ю-рий... – не понимая, куда клонит странный фээсбэшник, тихо и робко произнес молодой паренек.

– Так вот, Юрий, – весело произнес мужчина, – молчание – золото! Понял?

Байдаков утвердительно закивал головой. У него сразу же отлегло от сердца, словно оттуда свалился тяжелый камень, нещадно давивший его последние десять минут.

– Да.

– Молодец, сынок, – усмехнулся азиат и дружески похлопал парня по плечу, – усвой это навсегда!

– Постараюсь.

– Надеюсь... – одновременно с негромким хлопком процедил безжалостный киллер.

Молодой человек не успел и вздохнуть, как новая, доселе неизвестная волна боли захлестнула его и кольнула в самое сердце. Юрий вздрогнул и медленно осел. Из левого уголка рта потекла тонкая алая струйка...

Глава 4

Екатерина Ершова, красивая, с прекрасной фигурой, женщина лет тридцати решительно и ловко разрежала на перроне Белорусского вокзала нахлынувшую на нее разношерстную толпу пассажиров, спешивших в первопрестольную. Она опаздывала на брестский поезд, который должен был отправиться с третьего пути.

Вслед за женщиной спешил Илья Мещерский с кофром и дорожной сумкой в руках и подбадривал подругу:

– Не спеши, Катя, успеем!

– Какое «успеем», – не оборачиваясь к Илье, бросила на ходу фотокорреспондент, – мой вагон находится в «голове» состава, а туда пилить минут пять!

– Ничего, – парировал мужчина, – в крайнем случае запрыгнешь в ближайший вагон.

Ершова бросила взгляд в начало поезда и тяжело вздохнула: пройти оставалось еще метров пятьдесят, а кое-кто из проводников уже поднимал ступеньки и закрывал двери тамбура.

– Быстрей, Илюша! – подгоняла женщина своего спутника и ускоряла шаг.

– Да куда уж быстрее? – ворчал Мещерский, но ускорял темп и петлял следом за отъезжающей.

Когда прозвучали два гудка к отправлению поезда, молодая парочка наконец-то добралась до вагона. В тамбуре в панике метался визажист Славик Распопин, внешне чем-то напомилавший Борю Моисеева, только намного моложе. Он нелепо пританцовывал и постоянно высовывался из вагона, высматривая опаздывающую Ершову, а симпатичная молоденькая проводница что было сил пыталась затащить его обратно в тамбур.

Не зная сексуальной ориентации Славика, она обиженно бросала на него непонимающие взгляды. При каждом прикосновении девушки Славик недовольно и чопорно отшатывался от нее как от прокаженной.

Увидев бегущую Ершову, визажист облегченно вздохнул и энергично замахал руками.

– Катя, бесстыжая! – беззлобно закричал он. – Быстрее! Поезд уже отправляется!

Проводница быстренько подняла металлический люк, а Распопин протянул руку Кате.

– Осторожнее! – обеспокоенно крикнула молоденькая проводница пассажирам.

Фотокорреспондент на ходу запрыгнула в тамбур, а Мещерский семенил рядом с отходящим поездом и подавал вещи Распопину.

– Привет, Илюша! – как можно чувственнее поздоровался с Мещерским визажист.

– Привет, привет, Слава! – ответил на ходу мужчина. – Принимай вещички!

Когда кофр и дорожная сумка оказались рядом с хозяйкой, Ершова выглянула из тамбура и с благодарностью помахала рукой Мещерскому.

– Спасибо, Илюша!

Мужчина по инерции шел следом за набирающим ход поездом и, кивнув головой, медленно поднял руку.

– Решай, Катя! – бросил в ответ Илья и, остановившись у конца перрона, долго и внимательно смотрел на любимую женщину, словно видел ее в последний раз.

На брошенную Мещерским фразу Катя никак не отреагировала, а только послала воздушный поцелуй и крикнула:

– До свидания, Илья! Я позвоню!

Произнесенные слова потонули в грохоте колес и резком августовском ветре. Ершова еще раз махнула рукой и отошла от открытых дверей в глубь тамбура...

* * *

В купе, кроме Распопина и Ершовой, никого из пассажиров не было. Поезд хоть и был скорым, но не очень-то удобным по времени прибытия в Минск. Однако фотокора и визажиста он устраивал как нельзя лучше. Ребятам нужно было попасть в Минск в казино «Адмирал» на ночное шоу, в котором выступала молоденькая восходящая секс-звезда Клавдия Засулич.

С новым «проектом» и увлечением Варлама Кириллова, руководителя агентства мод, ни Славик, ни Катерина не были знакомы и даже не видели девушку на фотографии. Ребята исключительно полагались на опыт и вкус Кириллова, который пророчил Клавдии большое будущее не только как топ-модели в шоу-бизнесе, но и как одаренной драматической актрисе.

У Ершовой относительно артистического таланта новой протеже были большие сомнения, но, что касается «ног от ушей», бедер и груди, у Клавдии Засулич все было в порядке. В этих познаниях Кириллову не было равных, в этом Варлам знал толк!

Впрочем, Екатерине давно уже было все равно, что творит ее бывший любовник. Единственное, что ее волновало в этой истории, так это сжатые сроки заказа и профессионализм клиентки: качественно отснять девчонку-симпапушку и вернуться домой в Москву...

Думая о своем, Ершова смотрела в окно, совершенно не слушая Славика, а тот всю срамил ее за опоздание, за безалаберное отношение к жизни и к своему таланту. Он все еще никак не мог отойти от своих переживаний...

– Разве так можно? – допытывался Распопин. – Нет, вот ты мне ответь по совести!

Чтобы отцепиться от взбесившегося Славика, Катя, не поворачивая головы, задумчиво лягнула:

– Нет!

– Что нет?

Ершова удивленно повернулась к собеседнику.

– Нет совести, – настаивал гей, – или так нельзя поступать?

Женщина кивнула головой.

– Без совести нельзя, – тихо произнесла она и слегка причмокнула пухлыми губками.

Славик брезгливо отодвинулся в угол.

– Фи! О чем ты думаешь, мадам Ершова? – вздохнул визажист. – Представляешь, если бы ты опоздала на поезд, то сорвала бы съемку, а с ней загубила бы и свою, и мою светлую душу! А главное, мы подвели бы Кириллова!

Неожиданно молодая женщина очнулась и строго посмотрела на своего приятеля.

– Распопин, – отчетливо сказала она, – ты меня заколебал! Вместе со съемкой и со своим Кирилловым!

С Ершовой Распопин дружил давно и прекрасно знал, чего от нее можно ожидать, но никогда не мог привыкнуть к ее выходкам и оскорбительным выражениям. Его лощеное лицо вытянулось, как скороспелый огурец, а длинные наклеенные ресницы часто заморгали. От такой оскорбительной выходки Славик нервно запыхтел, снова бросил свое презрительное «Фи!» и, гордо откинув голову, закусил полную нижнюю губу и отвернулся от грубиянки.

Екатерина облегченно вздохнула и снова погрузилась в горестные мысли о своей непутевой женской доле: в ее распоряжении было минут пять относительного покоя, пока Славик ее не простит и снова не станет приставать с дурацкими вопросами и дружескими поучениями.

* * *

Жизнь фотокорреспондента полна беготни и суеты, порой некогда даже по-человечески перекусить, не говоря уже о какой-то личной, а тем более семейной жизни. А над этим было бы пора уже и задуматься всерьез! Нужно было что-то решать...

Об этом ей и говорил при расставании Илья, которому осточертела такая «семейная» неопределенность. Екатерина закрыла глаза и снова увидела перед собой измученный вопро- сительный взгляд близкого человека, который уже не просил, а требовал ответа.

Молодая женщина понимала его как мужчину, как человека, но ничего не могла с собой поделать. Да, Илья Мещерский нравился ей, может быть, даже больше того, но то, что она не любила Илью, это Катерина знала уже точно. Раньше ей казалось, что это тот, кого она искала всю жизнь, но, как показало время, она ошиблась.

Вопрос был даже не в Илье Мещерском. Это был обаятельный мужчина, прекрасный человек, хороший друг! Дело было в ней самой!

Катя Ершова привыкла к самостоятельности и независимости. К тому же она была безумно влюблена в свою профессию. Постоянное присутствие постороннего человека, пусть даже такого, который ей нравился, начинало угнетать ее, потом раздражать. Финал Ершовой виделся только один – она останется старой девой!

Катя вздохнула и подумала: «А может, и на меня когда-нибудь спустится милость Божья? Ведь так хочется забыть обо всем и окунуться с головой в безрассудство любви! Но где Он, тот Единственный, ради которого и жизнь не жалко отдать!»

Глава 5

Патрик Глен быстро вел темно-синий «БМВ», без которого в Москве не сделал ни шагу. В огромном городе безлошадный журналист – это посрамленный статист, который вечно опаздывает к праздничному пирогу и которому достаются только крохи с барского стола, язвительные усмешки журналистской братии и постоянные выговоры начальства.

Бывали, правда, моменты, когда журналист оставлял своего железного четырехколесного друга на стоянке возле дома, а сам брал такси и спешил на вечеринку, где предполагалось крупное застолье с обильным питьем. Но такие торжественные случаи выпадали крайне редко, вернее будет сказать, что американец под разными предложениями старался избегать бурных пирушек. А если уж он присутствовал, то старался употреблять минеральную воду или русский квасок, который предпочитал всем своим хваленым «Кока колам» и разной дрянью с химическими добавками.

Сегодняшняя поездка, как и большинство других вылазок в город, носила неофициальный деловой характер. Тот материал, который очень хотели видеть его боссы, сам плыл в руки американскому журналисту. Вернее сказать, Патрику стоило немалых усилий и времени, чтобы на него вышел Гришин или кто-нибудь еще с нужным предложением. Теперь это случилось, и необходимо оперативно взять «пирожок» тепленьким, пока он не остыл и был в цене! Настроение было приподнятым, под ложечкой приятно щекотало в предчувствии халявного кусочка, которым можно было полакомиться за мелкие гроши и обеспечить себе безбедное будущее...

* * *

Патрик Глен въехал в зеленый тенистый дворик, где бывал уже не раз в гостях у главного редактора еженедельника «Новый век» Петра Гришина. Соблазн поскорее заполучить необходимую информацию был настолько велик, что Патрик не выдержал и явился в редакцию минут на пятнадцать-двадцать раньше запланированного времени.

Выйдя из салона автомашины, высокий мужчина поставил на сигнализацию свой «БМВ» и окинул взглядом дворик. Была какая-то странно подозрительная тишина, от которой у Патрика возникло дурное предчувствие. Однако со свойственной ему американской деловитостью журналист отмахнулся от всякого рода предрассудков и уверенной походкой направился к полуподвальному помещению редакции.

Обдумывая на ходу план предстоящей сделки с Гришиным, Патрик вдруг поймал себя на мысли, что его что-то беспокоит: подъезжая к НИИ, он заметил в «Жигуленке» симпатичную темно-русую женщину, которую он, несомненно, где-то встречал раньше. Глен напряг свою память, силясь вспомнить симпапушку и неожиданно быстро нашел ответ: он видел ее в агентстве Кириллова и, кажется, даже успел переброситься несколькими фразами.

Зато людей в «Форде» кофейного цвета, с которым американец чуть не столкнулся при въезде во двор, Патрик точно никого не знал, хотя обратил внимание на их суровые, мрачные лица, которые тут же запали в уголки его цепкой памяти. Патрик отметил про себя, что эти зверообразные мужики могли сойти для съемок фильмов ужасов или боевиков про русскую мафию. Особенно Патрику запомнился верзила на переднем сиденье – с монгольским разрезом глаз и дьявольской ухмылкой на тонких бледно-синих губах.

С такими мыслями американец резко шагнул вниз по ступенькам и, оступившись, выругался:

– Бля!

Далее он продолжил свой путь не так резво, внимательно глядя под ноги и на чем свет стоит мысленно проклиная Россию и все, что с ней связано.

Железная дверь была приоткрыта. Толкнув незапертую входную решетку ногой, Патрик Глен вошел в полумрачный коридор, где за столом, откинувшись на спинку стула, «отдыхал» молодой охранник с полуоткрытым ртом и закатанными вверх глазами.

– О матка Русь, – не поздоровавшись с охранником, с презрением бросил американец, – одна пьянь да лодыри!

Задрав высоко голову, Патрик даже не удостоил вниманием никчемного работника, который надрался на работе и спал на посту, словно убитый.

– А еще в Европу лезут! – пренебрежительно буркнул журналист, медленно продвигаясь к кабинету главного редактора. – Азия она и есть Азия!

Находясь под впечатлением «пьяной выходки» охранника и в возбужденном состоянии от встречи с колким взглядом пассажиров «Форда», журналист не сразу уловил, что в редакции стоит подозрительная тишина и спокойствие.

– Может, у них вчера был какой-то религиозно-партийный праздник? – рассуждал Глен, но, неплохо зная русские обычаи и все праздники, гость ничего не мог припомнить существенного. – Наверное, кто-то родился или умер! Да мало ли причин и поводов у этих варваров, чтобы надраться! – Его лощеное лицо скривилось в презрительной гримасе. – Интересно, а в каком состоянии тогда находится их шеф Петр Гришин? Судя по утреннему разговору, вроде бы был в норме.

Американец с горем пополам добрался до кабинета главного редактора и с надменной улыбкой открыл дверь...

То, что предстало перед взором самоуверенного гостя, потрясло его до глубины души, а вернее, мгновенно стряхнуло с него всю спесь и гонор. Патрик Глен неподвижно стоял с перекошенной челюстью и выпученными бесцветными зрачками. Рыжие волнистые волосы медленно выпрямились и стали топорщиться в разные стороны от страха.

Картина была жуткая: в развороченной комнате в нелепой позе «по уши» в крови сидел главный редактор еженедельника Петр Миронович Гришин со снесенным куском черепа, словно у него сняли скальп дилетанты-садисты. Рядом лежала молодая девушка с развороченной резаной раной от низа живота до области сердца. Все ее внутренности вылезли наружу, и Патрику даже показалось, что некоторые еще пульсируют и увеличиваются в размерах.

Забыв о выдержке, американец неловко икнул и, отвернувшись в сторону, протяжно блеванул на пол.

– Во бля-я-я... – вдруг заговорил американец на чисто русском языке да еще с вологодским акцентом, – Чи-ка-го-о-о!..

Очухавшись от первого потрясения, американец вдруг перешел на родной английский язык и закричал тонким протяжным, несвойственным ему голосом:

– Ре-е-е-ор!!

С этим криком, рванувшись с места, он бросился в соседнюю комнату и тем самым только усугубил положение: там также было несколько трупов, среди которых возле работающего компьютера в нелепой позе с отрешенным видом монотонно покачивался в кресле седой юноша в наушниках. Паренек смотрел куда-то мимо гостя и, глупо улыбаясь, напевал какую-то модную песенку про Мурку в кожаной тужурке.

Это был предел: Патрик Глен почувствовал, что ему необходимо в туалетную комнату, однако ноги стали свинцовыми, а дыхание остановилось.

Неизвестно, что случилось бы с американским журналистом дальше, но в это время сзади раздался грозный окрик:

– Стоять!

Двое крепких мужчин в штатском набросились на иностранца и с силой заломили руки назад, отчего у онемевшего и парализованного американца внутри что-то хрустнуло...

Глава 6

Полковник Варанов сидел в своем кабинете и разбирал служебные записки. Он страшно не любил заниматься бумажными делами, но должность обязывала.

На вид Андрею Васильевичу было под пятьдесят или чуть больше. Он был поджарым мужчиной высокого роста и спортивного телосложения. В далекой юности полковник Варанов серьезно занимался вольной борьбой и даже был призером Спартакиады народов СССР. На борцовском ковре Андрей Васильевич встречался с великими мастерами вольной борьбы, в том числе и с легендой белорусского и мирового спорта Александром Медведем, неоднократным чемпионом мира и Олимпийских игр, которому проиграл схватку только по очкам.

Полковник Варанов не спал уже вторые сутки в связи с происшедшей трагедией в Баренцевом море. Андрей Васильевич широко зевнул, медленно и с наслаждением потянулся и вдруг резко встал. Открыв окно настежь, службист сделал несколько приседаний и наклонов. Потом он плеснул из графина воды на руку и обтер уставшее лицо. Помотав седовласой головой из стороны в сторону, мужчина громко крикнул и промокнул лицо носовым платком.

Слегка освежившись, Андрей Васильевич закурил папиросу и несколько раз прошелся по кабинету. Отдохнув таким образом, мужчина сел за стол и снова принялся изучать документы и ставить резолюции.

Неожиданно в дверь постучали, и в кабинет вошел взволнованный старший лейтенант Петровский.

– Разрешите?

Полковник недовольно посмотрел на секретаря.

– В чем дело, Петровский? – строго спросил начальник. – Я же просил меня не беспокоить тридцать минут.

В голосе Варанова явно чувствовалась скрытая угроза.

– Неотложное дело!

Полковник глубоко вздохнул.

– Какое может быть неотложное дело? – чуть ли не выкрикнул начальник и отбросил ручку на стол.

Старлей слегка побледнел и выдавил:

– ЧП...

У полковника вдруг засосало в груди, и он непонимающе уставился на Петровского. Бледный вид старлея и та интонация, с которой он произносил слова, заставила Баранова насторожиться.

– Где?

– На Дмитровском...

Андрей Васильевич вдруг резко встал.

– Да не тяни ты!.. – повысил голос полковник. – Говори, что случилось!

Старший лейтенант Петровский покраснел и, собравшись с духом, выпалил:

– Погиб капитан Челядинский.

– Что-о-о?..

От такой новости у Баранова подкосились ноги, и он медленно осел на свое прежнее место.

– Как ты сказал?.. – не веря своим ушам, тихо переспросил полковник старлея.

– Погиб Челядинский...

Петровский чувствовал себя прескверно: он прекрасно знал, что Варанов относился к Владимиру Челядинскому как к сыну и не скрывал этого.

– Володя, – беззвучно прошептал губами Андрей Васильевич и потянулся за папиросой.

– Да.

Возникла неловкая пауза. Варанов медленно закурил и, опустив голову на грудь, тихо заскрежетал зубами.

– Как это произошло? – сухо спросил полковник.

Старлей пожал плечами и неуверенно доложил:

– Вроде... застрелился.

Полковник мгновенно вскинул голову.

– Застрелился?

– Да.

– Что за чушь!

Петровский поежился и пожал плечами.

– И я так думаю...

Андрей Васильевич затушил папиросу и резко встал из-за стола. Глаза его пылали гневом.

– Кто сообщил о самоубийстве?

Петровский вытянулся по стойке смирно.

– Майор Барышников.

При упоминании майора полковник на мгновение застыл и недоверчиво посмотрел на старшего лейтенанта.

– Барышников?

– Так точно! – отчеканил старший лейтенант Петровский.

Полковник Варанов, ничего не сказав, медленно покачал головой. Потом взял пачку «Беломора» и закурил очередную папиросу.

– Так... – задумчиво протянул полковник. – Экспертно-медицинская группа выехала на место происшествия?

– Да.

– Кто за старшего?

– Подполковник Грищенко.

Варанов одобрительно кивнул и глубоко затянулся вонючим дымом. Старший лейтенант Петровский брезгливо поморщился: он не курил и не переносил табачного дыма. Заметив недовольную физиономию подчиненного, полковник Варанов презрительно махнул рукой. Андрей Васильевич недолюбливал Петровского, считая его штабной крысой и карьеристом.

– Свободны!

– Слушаюсь!

Старлей развернулся и собирался уже выйти, но неожиданно полковник остановил его.

– Петровский...

Ответственный секретарь развернулся.

– Слушаю.

Варанов вышел из-за стола.

– Наш «конь» на ходу?

– Да, вчера починили.

– Хорошо, – удовлетворенно произнес полковник. – Предупредите Алексея, чтобы подогнал машину к четвертому подъезду.

Старлей удивленно посмотрел на Варанова.

– Хорошо, – тихо произнес он и, не выдержав, поинтересовался: – Вы уезжаете?

Полковник Варанов уже надевал серый плащ.

– Да, – решительно произнес Андрей Васильевич и направился к выходу. – Я на Дмитровку. Буду через минут сорок-пятьдесят.

– А если вам будут звонить из генерального штаба? – задал каверзный вопрос секретарь.

Пожилой мужчина внимательно посмотрел на молодого карьериста и понял, что этот малый – «далеко пойдет».

– Скажи, что умер! – выкрикнул на ходу полковник.

На лице старлея появилось изумление.

– Как?

Андрей Васильевич усмехнулся и указал ему на дверь.

– Вот так, Петруша!

Проглотив обиду, Петровский Петр Петрович молча вышел исполнять приказание начальника. Однако все сделанное или сказанное в Управлении навсегда оставалось в его цепкой памяти... до подходящего момента.

Глава 7

В квартире воцарилась мертвая тишина. Изредка слышался шум улицы да звуки падающих капель воды в ванной комнате...

На полу, рядом с валяющимся пистолетом, в полуобморочном состоянии сидела Марина Метелкина, тупо уставившись в одну точку на ковре.

Устало протерев взмыленную лысину, майор Барышников отошел от телефона и, аккуратно взявшись за дуло пистолета, поднял оружие с ковра. Потом осторожно развернул целлофановый мешок и бросил в него орудие убийства – неопровержимую улику.

Он просчитал все до мелочей: застрелив капитана Челядинского, старый чекист до появления Марины Метелкиной уничтожил отпечатки своих пальцев носовым платком, вынул из обоймы оставшиеся пули и бросил пистолет на видное место, рассчитывая на нервное потрясение Метелкиной смертью любимого человека. Так и вышло: обезумевшая Марина совершила непоправимую ошибку, взявшись за оружие и оставив на нем свои отпечатки.

– Ну что, красавица, – ухмыльнулся майор, – одного отправила на тот свет и меня следом хотела отправить?

Марина не реагировала на вопросы Барышникова, а только монотонно твердила:

– Убийца, убийца, убийца...

Постоянное повторение одного и того же стало раздражать Барышникова. Минут через десять-пятнадцать должны были подъехать эксперты из Управления, и за это время нужно было привести Метелкину в нормальное состояние, чтобы не возникло непредвиденных осложнений.

– Дура ты, Метелкина! – беззлобно произнес мужчина. – Говорят же тебе, Володька сам застрелился. Об этом я и начальству доложил.

Марина отрицательно замотала головой.

– Неправда!

– Что неправда?

Девушка подняла голову и ненавидящим взглядом впиалась в Барышникова.

– Это вы его застрелили!

Майор презрительно покачал лысой головой.

– Глупая ты, Марина, – устало произнес Барышников, – зачем же мне его убивать?

– Не знаю, но это вы сделали!

– Я?

– Да!

– Ты в этом уверена?

– На все сто!

Сан Саныч рассмеялся и, достав пакет с пистолетом, показал Марине.

– Как ты думаешь, девочка, – сказал он, – а чьи здесь пальчики на пистолете?

Марина вдруг все поняла, и майор наконец увидел страх у нее в глазах.

– Это не мои, – пробормотала Метелкина, – это вы специально подстроили!

Мужчина вплотную подошел к девушке и рассмеялся ей прямо в лицо.

– Это теперь решать экспертам: твои это пальчики или нет, – заметил майор. – Это им выносить приговор убийце капитана Челядинского!

Девушка от негодования изменилась в лице и вдруг бросилась на Барышникова.

– Сволочь!

Однако Сан Саныч был готов к такому повороту событий и встретил Метелкину увесистой оплеухой, от которой она отлетела на несколько метров.

– Проститутка! – процедил сквозь зубы майор. – Если бы ты не расставила свои длинные ноги перед Челядинским, то он и теперь бы спокойно жил со своей семьей, а не терзался угрызениями совести! Думаешь, я не знаю о ваших шашнях? Думаешь, никто в Управлении не догадывался о ваших отношениях?!

– Это все не так, – истерично ревела молодая женщина.

Майор подошел к лежащей на полу женщине и, схватив за волосы, зарычал:

– Что?! Думаешь, я не видел, как мучается Володька? А все из-за кого? Из-за тебя, стерва! Хотела окрутить парня, разбить семью, отнять у сына отца!

– Нет!

– Что нет? – повысил голос до крика Сан Саныч. – Это ты не мне, а вдове будешь объяснять, почему он пустил себе пулю в лоб.

Молодая женщина испуганно замотала головой.

– Я не виновата... я...

– А кто виноват, что он застрелился? – давил на очумелую Метелкину опытный психолог. – Я, что ли? Это ваши дела, а мне насрать! Ты заварила кашу, сама и расхлебывай!

– Я не виновата, я не хотела, я любила его...

Майор Барышников добился своего, но решил «добить» свою жертву до конца. Он вдруг резко и бесстыже запустил волосатую руку под платье женщины и с силой сжал пальцами между ее ног.

– Этим ты его любила? – задыхаясь от волнения, произнес мужчина.

– Пусти! – возмутилась Марина и попыталась высвободиться от железной хватки майора. – Подонок!

Сан Саныч был в ударе. Свободной рукой он дал женщине звонкую пощечину, от которой та упала на спину. Не отпуская своей руки под платьем и еще энергичнее шевеля пальцами, он грозно прошипел:

– Из-за тебя произошло самоубийство! Твои пальчики на рукоятке и курке пистолета! И только я могу вытащить тебя из этого дерьма!

Молодая женщина испуганно вытаращила глаза и больше не сопротивлялась. В словах Барышникова была страшная правда, и она не видела пути к спасению.

– Как?

Ее голые ноги расслабились, а из глаз брызнули горькие слезы.

– Очень просто... – пообещал майор. – Ты будешь делать все, что я тебе прикажу! – донеслось до ее сознания. – Поняла?

Марина отвернулась в сторону.

– Да.

* * *

Когда на явочной квартире на Дмитровском шоссе появилась экспертно-медицинская группа во главе с подполковником Грищенко Зиновием Семеновичем, труп капитана Челядинского находился все в том же положении, что и ранее, только в похолодевшей руке мертвеца за посиневшие пальцы цеплялся злосчастный пистолет – неопровержимая улика вины и глупости «самоубийцы»...

Глава 8

Патрик Глен, под кодовой кличкой Шнобель, отошел от первого шока и уже осмысленно отвечал на вопросы старшего оперуполномоченного по особо важным делам Северного округа, молодого, но перспективного лейтенанта Викентия Павловича Прошкина.

Первые сумбурные показания американец давал человеку совсем из другого ведомства, а точнее, пожилому майору ГРУ Илье Матвеевичу Звягинцеву. Однако, получив необходимую информацию и поняв, что иностранец мало в чем повинен и больше из него ничего не выкачать, люди из военной контрразведки, тщательно прошмонав всю редакцию, передали американского журналиста гражданским властям. Правда, они не отказались от своего подопечного, а только отошли на время в «тень», продолжая вести необходимый негласный надзор за развитием событий и контролируя ситуацию.

* * *

Старший лейтенант Викентий Прошкин недовольно поморщил конопатый нос, в котором с самого утра щекотало и чесалось. Возможно, молодого человека ожидала халявная выпивка, по народной примете, а возможно, по той же примете, он мог схлопотать по своей чувствительной и любопытной носопырке.

– Так, – с серьезным видом принялся за дело настырный старлей, – фамилия, имя, отчество.

Американец недовольно встал с места.

– Я же говорил...

Прошкин со всей силы стукнул по столу.

– Сидеть!

Журналист нехотя сел.

– Сижу!

Старший лейтенант грозно зыркнул на подозреваемого и стал барабанить пальцами по столу.

– Все это мы слышали, – усмехнулся Викентий, – а теперь перейдем непосредственно к делу, поминутно. – Следователь снова пододвинул к себе чистый лист бумаги и приготовился записывать показания. – Фамилия, имя, отчество.

Подозреваемый, поморщившись как от боли, медленно расправил плечи и, глубоко вздохнув, пренебрежительно бросил старшему оперуполномоченному:

– Патрик Глен, американский подданный, журналист, корреспондент газеты «Вашингтон пост».

Прошкин настороженно скосил глаза на иностранца.

– И документы имеются?

Американец суетливо полез в карман и достал документы, с которыми не расставался в Москве ни на минуту, разве что в ванной или в постели с русской проституткой.

– Как полагается!

Патрик Глен небрежно протянул свой паспорт гражданина США и удостоверение журналиста.

– Please!

Старлей поднял голову и недовольно посмотрел на подозреваемого.

– Что?

Шнобель виновато усмехнулся.

– По-жалуй-ста по-русски...

– А-а... – протянул Прошкин и, решив блеснуть познанием английского, вологодский парень небрежно бросил: – Yes, yes... обэхээсэс!

В свою очередь лицо американца нервно дернулось, и он непонимающе посмотрел на Прошкина.

– Простите, не понял!

Старлей хмыкнул.

– А тут и понимать нечего, – сказал следователь, – поговорка у нас такая! Одним словом, это тогда, когда твое дело труба, кореш!

Лицо Патрика в недоумении вытянулось.

– Нет, я трубку не курю, – признался капиталист, – я курю сигареты!

Старший оперуполномоченный обреченно покачал головой и вдруг с новым запалом перешел к делу.

– Ладно, это к делу не относится, – сухо отрезал он. – Расскажите, как вы оказались на месте преступления и с какой целью.

Американец тяжело вздохнул и в который раз стал повторять свою историю.

– Я американский подданный, – начал журналист, – приехал в Россию по заданию своей редакции освещать демократические преобразования в вашей великой стране.

– Ну, это мы уже слышали, – резко оборвал американца Викентий, – ближе к делу.

Патрик кивнул рыжеволосой головой и, шмыгнув большим носом, продолжал:

– Хорошо... Сегодня утром мне позвонил господин Гришин, главный редактор газеты «Новый век», и сообщил, что у него есть интересный материал.

Старлей с любопытством и подозрением вонзил свои колючие зеленые глаза в рассказчика.

– Какой материал?

Глен удивленно развел руками.

– Об этом он мне не сказал.

Прошкин ехидно усмехнулся.

– Вы что, господин Глен, – саркастически заметил следователь, – нас тут за идиотов принимаете?

Журналист сделал обиженное лицо.

– Почему вы так решили?

– Неужели вы думаете, что я вам поверю в то, о чем вы мне тут плетете? – произнес Прошкин. – Да вы, иностранцы, и шагу не сделаете, если вам это невыгодно!

– Конечно, – согласился Шнобель, – бизнес есть бизнес!

Старший лейтенант Прошкин начал выходить из себя. Он уже более или менее представлял сложившуюся ситуацию и понял, что спецы отдали им этого урода как ненужный, отработанный материал. Патрик Глен не был замешан в убийстве коллектива редакции газеты, – тут и слепому было видно. Однако какая-то связь все же между ними была, и Прошкин чувствовал это. Но с какой стороны к нему подойти, следователь не знал. Да и на чем поймать этого зажавшегося прощелыгу? Прямых улик пока нет, а следовательно, нужно приносить извинения и отпускать журналиста до выяснения ситуации.

Единственное, чем мог помочь Патрик, так это рассказать, чем же Гришин заинтересовал американца, но тот явно не хотел этого выкладывать следствию...

– Значит, господин Глен, – задумчиво произнес Викентий, – вы не хотите объяснить нам причину вашей встречи с Гришиным?

Патрик недовольно насупился.

– Я уже вам сказал, – сухо произнес журналист, – господин Гришин сообщил, что есть интересный материал из жизни столичного бомонда...

– А поконкретнее можно?

– Нет! – отрезал иностранец. – Гришин сказал, что это будет для меня большим сюрпризом.

Следователь Прошкин невольно усмехнулся, вспомнив, что пришлось почувствовать Патрику Глену по приезду в редакцию.

– Да уж... – вздохнул старлей, – сюрприз, конечно, удался на славу!

Патрик ничего не ответил, а только побледнел при воспоминании жуткой картины.

– Это мы можем! – произнес Прошкин.

Американец покачал головой.

– Ужас!

– Не то слово, – причмокнул старлей и, отодвинув почти чистый лист допроса, встал из-за стола: все равно писать было нечего. – Ну а подозрительного ничего не заметили?

– В каком смысле?

– Когда ехали на встречу, – пояснил старлей, – может, видели кого-нибудь...

Американца передернуло: он вдруг сразу вспомнил злые, хищные глаза, которые до сих пор приводили его в трепет. Патрик решил некоторые козыри оставить при себе: чем меньше власти будут знать, тем больше шансов вернуть необходимые материалы о «золотой рыбке».

– Нет, господин полицейский, – твердо заверил иностранец собеседника, – никого не видел и ничего полезного для следствия вспомнить не могу.

– Ничего?

Журналист встал.

– Но! – ответил Глен и решительную встал. – Мне больше нечего вам сказать – это во-первых, а во-вторых, я американский подданный и официально заявляю, что мне необходимо связаться с американским посольством, с мистером Джоном Маккоуэллом!

Прошкин успокаивающе взмахнул рукой.

– Не беспокойтесь, господин Глен, – заверил старлей, – мы права и обязанности иностранных граждан прекрасно знаем: уже сообщили в ваше посольство и связались с консулом.

– И каков результат?

– Господин Маккоуэлл прибудет с минуты на минуту прямо сюда.

– Прекрасно!

Патрик Глен присел на стул, заложив ногу за ногу, и демонстративно достал из кармана коричневого пиджака изящный серебряный портсигар.

– Надеюсь, здесь курить позволительно?

– Да, пожалуйста!

Прошкин пододвинул пепельницу, очень напоминающую банку из-под консервов.

– Спасибо!

Патрик Глен закурил, а следователь Прошкин, дописав на листе несколько предложений, аккуратно подал его иностранному гражданину.

– Попрошу вас ознакомиться и расписаться.

Американец недовольно взял лист бумаги и внимательно прочитал написанный текст.

– Все верно? – поинтересовался старлей.

– Да.

– Тогда подпишите.

Прошкин хотел протянуть Патрику шариковую ручку, но тот небрежно достал свой «Маркер» и размашисто черкнул на бумаге свою подпись и число.

– Please!

– Спасибо!

Старший лейтенант осторожно взял лист и аккуратно положил его в папку.

– Я свободен?

Глен нетерпеливо встал.

– Секунду...

Неожиданно в кабинет вошел пожилой мужчина в милицейской форме.

– Викентий Палыч, – доложил старшина, – из американского посольства прибыли...

– Хорошо, Остапчук, – сказал старлей и повернулся к иностранцу. – Вы свободны!

Патрик Глен надменно кивнул головой.

– И вам того же... – тихо прошептал Прошкин в ответ.

* * *

Когда двери кабинета закрылись, старший оперуполномоченный по особо важным делам Викентий Прошкин дал волю своим чувствам и «богатому» словарному запасу народного лексикона.

– Ну, бля... – заорал конопатый следователь, – Ну, мудилы! Очередной «висяк» на наш отдел повесили! Да еще иностранца прип-плели, е... вошь!

Прошкин стал заикаться от негодования и возмущения.

– Нет, ты понял, Константиныч, – расплылся старлей, – эти говнюки гэбисты насрали, а нам теперь убирай за ними!

– То шо, Палыч, – устало произнес старшина с хохляцким акцентом, – это цветочки, а уси ягодки впереди! У прошлым мисяци в Южном округе та сама картина була, тилькы с совместной фирмой...

Прошкин не курил, а когда был на взводе, «прижигал» нервные окончания или водкой, или на худой конец жевательной резинкой. Его раздражение было прямо пропорционально количеству потребляемой жвачки. На сей раз он забросил себе в рот аж три подушечки «Сти-морол».

– И че?

Старшина хитро усмехнулся.

– А шо... – угрюмо вздохнул хохол, – вси про всих знали, а дило закрылы...

Старлей недовольно поморщился, не улавливая намека старшины Остапчука.

– Ты на че намекаешь, старый пердун?

Старшина равнодушно пожал могучими плечами.

– Да ни на шо, Викентий, – спокойно ответил Кузьма Константинович, – просто того следчего, яки тэ дело вел и след простыв. Где вин? Никто его боле не бачив! Это дело темное... Гэбисты не зря там ошивались!

Прошкин присел на стул, но ему не сиделось, и он снова стал расхаживать по кабинету.

– Хватит байки травить, Константинович! – зло выпалил старлей. – Я и без тебя знаю, что дело с запашком, однако хош не хош, а повозиться с этим дерьмом нам придется.

Старшина пожал плечами.

«Набегавшись», следователь сел за стол.

– Давай сначала и по порядку... – серьезно и по деловому начал Прошкин. – Убийство произошло около двенадцати часов дня.

– Да.

– Что мы имеем?

– Пять трупов.

Старлей вздохнул.

– Пять трупов и двух свидетелей...

Старшина усмехнулся и, закулив папиросу, ехидно добавил:

– Один из них иностранец-засранец, а други – дурны!

Старший лейтенант поднял на Остапчука настороженный взгляд.

– Че с компьютерщиком Слесаренко?

– А ни че, – развел руками пожилой человек, – вин уже не жилец – прямым рейсом отправлен у психбольницу.

Прошкин сокрушенно покачал головой.

– А еще совсем пацан... – тихо прошептал старлей. – Не люди, а звери! Ни капли человеческого!

Если бы курносый следователь знал, что Макар Лигачев заменил молоденькому парнишке смертную казнь на пожизненное заключение, то, возможно, изменил бы свою точку зрения относительно «капли», но, думается, ненамного...

Помолчав несколько секунд, Прошкин возобновил разговор.

– Что мы еще имеем? – задал вопрос Викентий.

Старшина хитро скосил глаза.

– Константиныч, – произнес старлей, – ты, кажется, имеешь что-то сказать мне?

Остапчук хмыкнул в кулак.

– Вин какой быстрый!

Глаза у Прошкина загорелись: Викентий давно работал со старшиной и хорошо знал его причуды. Если он начинал валять дурака, значит, в его руки попала зацепка.

– Ну давай, старый пердун, не томи! – нетерпеливо подгонял старлей подчиненного.

Остапчук серьезно посмотрел на начальника.

– Сынку, кильки горилки ставишь?

Прошкин махнул рукой.

– Если по делу разговор, Константиныч, то до усрачки! – пообещал старший лейтенант и указал на сейф, в котором постоянно находились спирт или водка.

Остапчук усмехнулся и затушил папиросу.

– Тады наливай! – махнул рукой старшина. – Одна гарна дивчина, годков эдак восьмидесяти...

– Ну, ну...

– Бачила, як возле редакции стояли две легковые машины... – сказал старшина и кивнул головой на сейф, в котором томились дары Бахуса.

– Успеем, успеем, – успокоил старлей приятеля и встал из-за стола, – не тyani кота за хвост!

Старшина вздохнул и стал докладывать дальше.

– Одна була «Жигули», – многозначительно произнес хохол, – а друга – иномарка...

Прошкин закрыл на ключ кабинет и достал из сейфа «боеприпасы».

– А кого-нибудь из «жокеев-наездников» твоя красавица видела? – наливая в стаканы спирт, выпалил старлей.

Старый служака, еще советской закалки застойных времен, медленно поднял свою пайку и, не разбавляя спирт, одним махом опрокинул себе в рот.

– А як же, – шумно выдохнул старшина, занюхивая огненную воду огромным кулаком, – целая банда: четыре чоловика и одна людына... – вельми гарна дивчина!

Старший лейтенант не совсем понял, о какой «гарной дивчине» ведет речь старшина, а чтобы быстрее и доходчивее дошел смысл сказанного, он решил не томить себя и подлечил свою нервную систему крепким напитком.

– Так про что это ты, Константиныч, только что говорил? – выдохнул этиловые пары следователь. – Че-то я не совсем догоняю...

– И я про то... – согласился умудренный жизнью хохол, наливая по новой в стаканы спирт и продолжая свой рассказ.

Прошкин задумчиво ковырял свой конопатый нос, который его никогда не подводил, и с интересом вслушивался в каждое слово собеседника. А тот, кстати сказать, рассказывал

весьма любопытные и полезные для следствия факты. Вырисовывалась довольно-таки интересная картина...

Глава 9

Джон Маккоуэлл, пожилой человек лет шестидесяти, был недоволен происшедшим в редакции газеты «Новый век». Плотного сложения, весьма неуклюжий в движениях, он, тем не менее, быстро соображал и понимал, что вся эта история, связанная с Патриком Гленом, отдает душком и может перерасти в крупный скандал.

Сняв очки в золотой оправе, он аккуратно протер их и положил в футляр.

– Ну, господин Глен, – начал он неприятный разговор с соотечественником, – расскажи, какого черта тебя занесло в это криминальное логово.

Патрик уже немного отошел от потрясения и мог достаточно внятно описать ситуацию. Он вальяжно откинулся на мягком сиденье черного лимузина и закурил сигарету.

– Чистая случайность, – вздохнул он.

– Это мы уже слышали, – недовольно повысил голос дипломат. – Конкретнее!

Патрик выдохнул струйку дыма и начал свою эпопею, которая, как он считал, только началась.

– То, что мы ищем, – произнес журналист, – могло бы уже сегодня мелькать на первых страницах всех газет мира.

Маккоуэлл недовольно оборвал собеседника:

– Давай без прелюдий!

Глен молча кивнул рыжеволосой головой, на которой за последние часы прибавилось седых волос, и, затушив сигарету, повернулся к дипломату.

– Господин Гришин позвонил сегодня около одиннадцати утра мне в гостиницу и предложил товар, о котором я его просил несколько недель назад.

– О «рыбке»?

– Да.

– И что?

Патрик лукаво улыбнулся.

– «Рыбка» была уже упакована и ожидала меня, – продолжал журналист. – Мы договорились, что я заберу материал до двенадцати часов. Однако когда я приехал в редакцию, то увидел настоящий русский кровавый «Чикаго»...

– Так...

Дипломат сидел прямо, не поворачиваясь к собеседнику. Казалось, что он даже не слушает его, но это было обманчивым впечатлением: каждое слово, интонация и мимолетное движение мимики мгновенно улавливалось и переваривалось в проницательном и остром уме профессионального разведчика.

– В редакции все было перевернуто вверх дном, – продолжал журналист, – а Гришин был мертв!

– Ага-а... – многозначительно произнес дипломат, словно ухватился за невидимую ниточку.

Патрик откашлялся.

– Об остальном вы наслышаны.

Маккоуэлл повернулся к собеседнику.

– Значит, господин Глен, – подвел черту консул, – вы считаете, что материал заслуживает внимания?

– Несомненно!

Джон согласно кивнул.

– И я такого же мнения, – мрачно констатировал он, – не зря же кэгэбисты так быстро среагировали на звонок Гришина.

Патрик почесал за ухом.

– И я удивляюсь...

Дипломат с сочувствием взглянул на журналиста и покачал головой.

– Дорогой Патрик, – изрек он. – Вы – дилетант!

– Почему?

– Вы на крючке у КГБ... – по старой привычке назвал ФСБ цэрэушник. – Вас прослушивали! Это же ясно как божий день! – недовольно бросил профессионал. – Поэтому там и появились мгновенно наши противники.

Глен напыжился.

– Не может быть, – отнекивался журналист, – я проверял аппаратуру... Все было чисто!

Маккоуэлл рассмеялся.

– Сынок, – поучительно произнес мужчина, – поверь старику: если тобой заинтересовались русские, то они даже знают, сколько раз ты перднул в сортире между часом ночи и двумя!

Патрик Глен покраснел от такого откровения посольского работника. Журналист не отличался большой нравственностью и совестью, однако слова цэрэушника не были лишены оснований. Рыжеволосый вдруг все понял: его пасли не только русские, но и свои – американцы!

– Однако, господин Глен, – оставив лирические отступления, продолжил деловой разговор дипломат, – это все ерунда! Теперь главный вопрос – исчез ли компромат навсегда или затерялся на полпути в чьих-нибудь загашниках.

Патрик неуверенно повел плечом и громко шмыгнул большим носом.

– Трудно сказать...

– Как я понимаю, – сказал Джон, – Гришин использовал чью-то информацию?

– Скорее всего.

– Значит, есть автор компромата?

Патрик согласился с боссом.

– Должен быть.

– Вот именно, – подчеркнуто сухо произнес дипломат. А Гришин не признался, кто это? Журналист отрицательно покачал головой.

– Нет, – ответил Глен, но тут же вспомнив очаровательную женщину в «Жигулях», радостно улыбнулся и добавил: – Но шанс, думаю, имеется.

Джон Маккоуэлл заинтересованно посмотрел на собеседника.

– Вы начинаете исправляться, господин Глен, – удовлетворенно похвалил шеф журналиста.

– Стараемся!

Джон Маккоуэлл повернулся к собеседнику.

– Тогда докажите нам свою необходимость...

Патрик Глен был уверен, что игра только начинается, и с легкостью выложил Маккоуэллу все свои соображения, разумеется не забыв упомянуть о колючих глазах и энной кругленькой сумме, которая потребуется для удачного завершения планируемой операции.

– Э-гэ...

Джон Маккоуэлл молча слушал исповедь пронырливого журналиста и, казалось, не проявлял особого интереса, но при упоминании шестизначной суммы глаза дипломата моментально округлились и стали таких же размеров, как «золотые» нули.

– Однако, господин Глен, – фыркнул резидент, – не возомнили ли вы себя Джеймсом Бондом – агентом 007?

– Разумеется, нет, – вылупил свои рыбы глазки пронырливый журналист, – но каков риск!?

И вдруг Глен стал суетливо шарить по карманам: сумма, предназначенная для Гришина, исчезла в этом жутком водовороте...

– Что случилось? – настороженно спросил Джон.

– Деньги, гонорар Гришина... где-то в той заварухе остались.

Журналист посмотрел на босса.

– Может, вернуться?

Джон недовольно зыркнул на глупца.

– Вы с ума сошли?! – прорычал цэрэушник. – Не хватало, чтобы кэгэбисты заинтересовались происхождением такой суммы у рядового американского журналиста.

Патрик Глен решил пойти ва-банк.

– Но там ведь все деньги, которые я получил от вас!

– Забудьте!

Маккоуэлл замолчал, прикидывая, что информация, по всей видимости, стоит намного больше запрашиваемой суммы и ему самому перепадет хороший кусок. Он успокоил журналиста.

– Не беспокойтесь, господин Глен, – заверил он собеседника, – вам заплатят требуемую сумму.

Рыжеволосый облегченно вздохнул.

– Надеюсь, господин Маккоуэлл... Вы же видите даже само нахождение в этой варварской стране – огромный риск для интеллигентного человека!

Глава 10

Полковник Варанов был озадачен: мало того, что его подкосило известие о смерти капитана Челябинского, так еще доложили о кровавой бойне в редакции газеты «Новый век». Нужно было решать две проблемы одновременно, которые, возможно, были взаимосвязаны...

* * *

Подполковник медицинской службы ФСБ Грищенко Зиновий Семенович явился к полковнику Варанову, как только были получены первые результаты медэкспертизы.

– Разреши, Васильевич, – появившись в дверях кабинета, устало произнес высокий мужчина одних лет с Варановым.

Полковник поднялся с рабочего места и подошел к Грищенко.

– Проходи, Семенович! Присаживайся!

Эксперт сел.

– Спасибо, – поблагодарил он и отложил тонкую папку на край стола. – Устал сегодня как никогда.

Варанов сочувственно кивнул.

– Стареем, Зиновий!

– Есть маленечко, Андрюша, – согласился подполковник и, достав из кармана брюк носовой платок, сочно и протяжно высморкался.

Мужчины были давно знакомы и поэтому без посторонних вели себя запросто, без излишних и ненужных субординаций. Впрочем, и при подчиненных они обращались друг к другу только по отчеству.

– Ну, чем порадуешь, обслуживающий персонал? – сразу перешел к делу полковник Варанов.

– Есть кое-что...

– Тогда выкладывай!

Грищенко взял со стола тонкую папку и, достав пару исписанных мелким убористым почерком листов бумаги, протянул своему другу и начальнику.

– Вот, прочти!

Полковник Варанов даже не шелохнулся, а только раздраженно махнул рукой.

– Да кончай ты, Зиновий, херней заниматься, – произнес он эксперту, – выйду на пенсию, тогда и прочитаю! Ты мне по-простому, в двух словах объясни...

Эксперт усмехнулся и, сложив бумаги в папку, положил ее обратно на стол.

– Ладно, только с одним условием...

Варанов поднял брови.

– Каким?

– Сваргань-ка мне кружечку крепкого кофе или чайку, – медленно произнес Семеныч.

Полковник хлопнул себя по лбу.

– Вот, старый пень, – виновато воскликнул он и моментально полез в шкаф, где всегда находились кофе или чай. Совсем вылетело из головы, что ты кофеман со стажем!

Эксперт улыбнулся.

– И к тому же с утра на ногах!

Полковник поднял руки вверх.

– Виноват, старик, виноват!

Через несколько минут крышка чайника призывно запрыгала, стараясь не пускать горячий кипяток и пар наружу...

– Смерть Володи, – делая маленькие глотки, медленно докладывал Грищенко, – наступила где-то в районе одиннадцати часов утра от огнестрельного оружия.

Полковник Варанов не мог усидеть на месте от волнения и постоянно метался по кабинету.

– Из табельного оружия?

– Да, – сказал эксперт.

Андрей Васильевич почесал переносицу, словно это помогало сосредоточиться.

– Но оружие должно храниться в сейфе, – рассуждал полковник, – а ключ был у старшего группы майора Барышникова.

Грищенко усмехнулся.

– Васильевич, ты что, не знаешь нашего бардака? – безнадежно произнес эксперт. – Ты же сам не один год сидел на явочной квартире... Вспомни!

Варанов недовольно скривился и раздраженно махнул рукой приятелю.

– Да, знаю! Продолжай!

Семеныч допил кофе и отставил кружку.

– Спасибо.

– Может, еще?

Эксперт отрицательно замотал головой.

– Благодарю, нужно сердце маленько поберечь, – с досадой произнес он.

Пометавшись по кабинету, Варанов вдруг как-то сник и спросил.

– Неужели самоубийство?

Семеныч многозначительно повел бровью.

– Знаешь, Андрей, – задумчиво произнес собеседник, – по всем параметрам так оно и выходит. Но...

Варанов насторожился.

– Что-то ты темнишь, старая лиса!

Грищенко пожал плечами.

– Не темню, – сказал он, – а прикидываю варианты...

– Какие?

Подполковник повернулся к Варанову.

– Понимаешь, Андрей, траектория и угол полета совпадают, но вот что меня смущает, – наконец решился Семеныч. – Когда пуля вылетает из дула пистолета, хошь не хошь, а с ней выбрасывается часть жара и пламени...

Варанов не спускал внимательного взгляда с собеседника.

– Так?

Андрей Васильевич утвердительно кивнул.

Грищенко последовал примеру начальника и тоже встал.

– Когда человек стреляется, – продолжал свои рассуждения эксперт, – то, как правило, прикладывает дуло пистолета к тому месту, куда намеревается попасть.

– Да... или в голову, или в сердце...

– Вот именно, – согласился Зиновий Семенович, – в нашем случае поражено сердце, что позволяет сделать неутешительный вывод.

– Что ты имеешь в виду?

Грищенко медленно повернулся к другу и серьезно посмотрел тому в глаза.

– Дело в том, что на одежде Владимира нет подгоревших ворсинок, которые непременно должны присутствовать при соприкосновении с дулом пистолета.

Полковник Варанов приоткрыл рот от удивления. Он не верил в самоубийство капитана Челядинского, но подозревать кого-нибудь из своих сотрудников в убийстве было верхом святотатства.

– Не хочешь ли ты сказать, что...

Крамольная фраза так и не слетела с уст старого чекиста: у него не поворачивался язык.

– Я ничего не хочу утверждать, – быстро отреагировал эксперт, оправдываясь. – Рука могла дрогнуть, и расстояние, естественно, увеличилось... Но нельзя и исключать других версий.

Варанов задумался.

– А что говорит майор Барышников?

– Ничего существенного, – ответил эксперт, – он заверяет, что в тот момент, когда прогремел выстрел, находился в другой комнате, а Марина Метелкина была в ванной.

– И Метелкина подтверждает то же?

– Да. Ответы их совпадают, хотя девушка находится в плачевном состоянии, пережив такой стресс. Как я слышал, у Володи с Мариной были странные отношения.

Варанов неприязненно взглянул на приятеля.

– Все это сплетни!

Грищенко обиженно пожал плечами.

– Ты же просил начистоту...

– Прости, Зиновий, ты же знаешь, как мне был дорог Володька, – произнес он, – я до сих пор не могу прийти в себя.

– Понимаю...

Эксперт почувствовал, что полковнику необходимо побыть одному, и встал.

– Ну, я, пожалуй, пойду...

Однако Варанов запротестовал:

– Минуточку, Семеныч, мне необходимо обсудить еще кое-какие детали!

Полковник сел за стол и пригласил Грищенко последовать его примеру.

– Тут вот какая петрушка, Зиновий, – начал полковник, – на Дмитровском шоссе возле метро «Новослободская» какой-то маньяк или преступная группа зверски расстреляли всю редакцию газеты «Новый век».

– Да, знаю. Я был там.

– Вот я и хочу с тобой поговорить, – сказал Варанов. – Какие мысли у тебя по поводу этого преступления?

– Экспертизу и анализ проводит мой помощник, – вздохнул эксперт, – я, как ты знаешь, занимался Челябинским...

– Да, да...

– Данные экспертизы будут скоро готовы, – сказал Грищенко, – но думаю, там работала группа профессионалов.

Варанов нетерпеливо встал.

– Да это и без экспертизы видно, что работали спецы! – горько воскликнул полковник. – Стоит только посмотреть на пораженные мишени: или голова, или сердце, после чего не требуется и контрольного выстрела.

– Да, выстрелы профессиональных киллеров, – согласился опытный эксперт, – только непонятно, зачем они так поступили с девушкой, распоров ей весь живот.

Варанов неуверенно развел руками.

– Может, психи? – предположил он, – но скорее всего хотели что-то выведать или запугать зверствами главного редактора, чтобы тот развязал язык.

Грищенко откинулся на спинку стула.

– Они что-то искали, – добавил эксперт, – вся редакция перевернута с ног на голову.

Варанов внимательно посмотрел на приятеля и доверительно произнес:

– Да, Зиновий, причем целенаправленно! И вот что я тебе скажу под большим секретом: капитан Челядинский получил информацию о встрече американского журналиста с главным редактором газеты «Новый век» для получения какой-то информации от последнего.

– И что?

– Нас кто-то опередил в редакции и забрал то, что даже нам неизвестно!

Чекисты переглянулись.

– Значит, не только мы вели наблюдение за американцем, но и другие.

Варанов достал пачку «Беломора» и закурил.

– Возможно, наши интересы пересеклись с интересами какой-то группировки или даже силовым ведомством.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.